

12+

Лузгин В.Г.

Вещий Олег

Тайна древней Руси

Владимир Лузгин

Вещий Олег. Тайна древней Руси

«Издательские решения»

Лузгин В.

Вещий Олег. Тайна древней Руси / В. Лузгин — «Издательские решения»,

Кто такой Вещий Олег — князь, вошедший в историю, или герой древнего предания? Более тысячи лет отделяют нас от его эпохи. Летописи, археологические свидетельства, литература и кино сохранили лишь отдельные следы его пути. Что из них — история, а что — легенда? Где заканчивается летописная память и начинается тайна? Эта книга приглашает пройти путь Олега вместе с автором — туда, где древнее имя хранит загадку, а ответы скрываются между строк.

© Лузгин В.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ОБРАЗА ВЕЩЕГО ОЛЕГА	8
ГЛАВА II. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА ВЕЩЕГО ОЛЕГА	13
ГЛАВА III. ЭПОС И ЛЕТОПИСЬ: ОТ МИФА К ИСТОРИИ	18
ГЛАВА IV. ФИЛОСОФИЯ СУДЬБЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вещий Олег. Тайна древней Руси

Владимир Лузгин

© Владимир Лузгин, 2026

ISBN 978-5-0071-4397-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЛОВО АВТОРА

Есть имена, которые время не стирает.

Проходят века, меняются государства, исчезают города, переписываются книги, меняется сам язык, на котором люди рассказывают о прошлом, — а имя остаётся. Иногда оно сохраняется в нескольких строках древней летописи. Иногда — в народной памяти, в былине, предании или песне. Иногда возвращается к нам через страницы исторического романа, через произведение поэта, через кино и голос человека, сумевшего обратить внимание современников на то, что казалось давно забытым.

Одно из таких имён — Олег.

В русской летописной традиции он назван Вещим. Перед нами — князь, воин, правитель, дипломат и человек, чья судьба оказалась соединена с одним из наиболее известных преданий Древней Руси. Но чем дальше мы всматриваемся в это имя, тем больше возникает вопросов.

Кто был Олег на самом деле?

Что в рассказе о нём принадлежит древней летописной памяти, а что возникло позднее — в результате литературного развития предания, исторического толкования или художественного воображения? Где заканчивается свидетельство источника и начинается реконструкция? Какие события могут быть подтверждены другими письменными свидетельствами, археологией и историческим контекстом, а какие остаются частью легендарной традиции?

Эта книга возникла из желания не просто ещё раз рассказать известную историю, а попытаться всмотреться в неё внимательнее.

В центре нашего внимания находится прежде всего древняя летописная традиция — тот сложный и многослойный мир текстов, благодаря которому до нас дошли сведения о первых поколениях русской истории. Особое место здесь занимает «Повесть временных лет», сохранившаяся в позднейших списках и дошедшая до нас не как авторская рукопись одного человека, а как результат длительной книжной и летописной работы.

Поэтому, обращаясь к древнему тексту, необходимо помнить: летопись — не современный исторический протокол. Она создавалась людьми своего времени, в соответствии с их представлениями о власти, вере, государстве, человеческой судьбе и исторической памяти.

Но именно поэтому она бесценна!

Она позволяет услышать голос эпохи!

В этой книге мы будем обращаться также к Ипатьевской и Радзивилловской летописным традициям, к более поздним историческим исследованиям, к археологическим данным и к тем письменным памятникам, которые позволяют сопоставлять древнерусское повествование с более широким историческим контекстом Восточной Европы, Византии и Хазарского мира.

При этом необходимо провести границу между различными уровнями исторического знания.

Одно дело — то, что непосредственно сообщает источник.

Другое — то, что подтверждается несколькими независимыми свидетельствами.

Третье — научная гипотеза, позволяющая связать разрозненные факты.

И, наконец, существует художественная реконструкция — необходимая для литературы и искусства, но не тождественная историческому документу.

Для меня эта граница особенно важна!

Поэтому в дальнейшем повествовании читателю предлагается различать подтверждённое, вероятное, спорное и не подтверждённое источниками. Такой подход не должен обеднять историю. Напротив, он позволяет увидеть её во всей сложности.

История становится особенно интересной именно там, где заканчивается уверенность и начинается вопрос.

Кем был Олег? Откуда он пришёл? Какую роль сыграли варяжские дружины? Как складывалась власть первых князей Руси? Что действительно произошло в отношениях с Хазарским каганатом? Насколько достоверны сведения о походе на Константинополь? Что можно сказать о договорах с Византией? И почему спустя столетия образ Олега продолжал жить, изменяться и приобретать новые смыслы?

На эти вопросы невозможно ответить одной цитатой из одной летописи.

Но можно попытаться собрать воедино сохранившиеся свидетельства и позволить каждому из них говорить своим голосом.

В этой книге рядом с летописцем окажутся историк и археолог, исследователь древнерусской письменности и филолог, писатель и поэт, создатель художественного образа и автор документального фильма. Их взгляды могут различаться, а иногда — прямо противоречить друг другу. И это противоречие также является частью истории памяти.

Особое место в таком разговоре занимает Михаил Задорнов.

Его фильмы и выступления стали для многих людей поводом вновь обратить внимание на древнерусскую историю, на летописи, предания и происхождение исторической памяти. Его фильм «Вещий Олег. Обрётённая быль» является прежде всего современной авторской интерпретацией образа Олега, а не первичным историческим источником. Поэтому в настоящем исследовании его необходимо рассматривать именно как явление современной культуры и как самостоятельную попытку осмыслить древнее предание.

Но оно не отменяет значения самого факта: в XXI веке древний образ вновь вышел за пределы академических кабинетов и оказался предметом широкого общественного разговора.

Подобным образом существует и художественная литература. Исторический роман способен оживить эпоху, дать читателю ощущение времени, человеческого характера, внутреннего мира героя. Но художественный Олег не обязан совпадать с Олегом летописным. *Литература имеет право на воображение; историческое исследование обязано обозначать границы между воображением и свидетельством.*

Именно поэтому эта книга — не попытка лишить древнее предание его тайны.

Напротив.

Иногда тайна становится глубже, когда мы отказываемся выдавать предположение за доказанный факт.

Память народа складывается не только из документов. Она живёт в именах, образах, произведениях искусства, литературе, кино и семейных рассказах. Однако научное исследование должно постоянно возвращаться к источнику и задавать ему простой вопрос:

Что именно ты можешь нам сообщить?

Не больше — но и не меньше.

Возможно, именно так следует говорить с прошлым.

Без желания переделать его под современность!

Без стремления заставить древнего человека говорить нашими словами!

Без отказа от легенды, но и без превращения легенды в документ!

Перед читателем — история человека, которого летопись назвала Вещим!

История князя!

История эпохи!

История самого рассказа об Олеге — того, как одно имя прошло через века и каждый новый век заново задавал ему свой вопрос!

И если эта книга поможет хотя бы одному читателю открыть древнюю летопись, обратиться к подлинному источнику, задуматься над тем, где заканчивается документ и начинается предание, — значит, её замысел уже осуществился.

Потому что прошлое принадлежит не только тем, кто его изучает.

Оно принадлежит памяти!

А память требует бережного отношения!

Лузгин В. Г.

Санкт-Петербург, 2026 г.

ГЛАВА I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ОБРАЗА ВЕЩЕГО ОЛЕГА

1.1. Олег в древнерусской летописной традиции

Образ Олега занимает особое место в древнерусском летописании. Его деятельность относится к начальному периоду формирования политического объединения восточнославянских и североевропейских центров, которое в последующей историографии получило название Древнерусского государства. Однако сведения об Олеге дошли до нас не в современном ему письменном свидетельстве, а в составе более поздней летописной традиции.

Основным древнерусским источником для реконструкции образа Олега является **«Повесть временных лет» (ПВЛ)** — памятник древнерусского летописания, сохранившийся в составе более поздних летописных списков. Поэтому утверждение о том, что именно ПВЛ является «первым письменным источником, где упоминается Олег», требует уточнения: дошедшая до нас рукописная традиция ПВЛ значительно позднее описываемых событий, а вопрос о составе и редакциях первоначального свода остаётся предметом научной дискуссии.

Особенно осторожно следует относиться и к традиционному обозначению Нестора как единоличного автора ПВЛ. В Лаврентьевском списке, древнейшем из сохранившихся списков данного летописного текста, имя Нестора в заглавии не названо. В конце соответствующей части текста присутствует запись игумена Сильвестра, датированная 1116 годом. В более поздней рукописной традиции имя Нестора связывается с составлением летописи, однако история формирования ПВЛ рассматривается современной наукой как многоэтапный процесс.

Таким образом, в настоящем исследовании корректнее говорить не о «ПВЛ Нестора» как об однозначно установленном авторском произведении, а о **летописной традиции ПВЛ**, включавшей несколько этапов составления и редакторской обработки.

В рассказе ПВЛ Олег выступает как правитель, связанный с Рюриком и его наследником Игорем. После смерти Рюрика Олег, согласно летописному повествованию, осуществляет переход власти и направляется на юг. В 882 году летопись помещает его в Киевском регионе и сообщает о захвате Киева.

Именно с этим событием летописная традиция связывает знаменитую формулу:

«Да будетъ се мати градомъ русскимъ».

Эта формула имеет первостепенное значение не столько как дословное описание политической ситуации IX века, сколько как свидетельство того, **каким образом составитель летописи представлял историческое значение Киева**. Киев в летописной концепции оказывается центром политического пространства Руси, а деятельность Олега получает характер объединительного деяния.

Поэтому выражение «сделал Киев столицей Руси» следует использовать с осторожностью. Это современная историографическая формулировка, тогда как непосредственно летописный текст говорит о Киеве как о «матери городов русских». Между этими двумя формулировками существует смысловая связь, но они не являются полностью тождественными.

1.2. Хронология деятельности Олега

В традиционной исторической реконструкции княжение Олега обычно датируется **879—912 годами**. Такая хронология основана прежде всего на последовательности летописных статей и позднейшей историографической реконструкции.

При этом датировка не должна восприниматься как полностью независимое от летописной традиции свидетельство. Для событий конца IX — начала X века отсутствует непрерывный ряд современных событийной эпохе русских письменных документов, который позволял бы проверить каждую летописную дату непосредственно.

Поэтому в научном изложении необходимо различать:

— **летописную хронологию** — последовательность и датировку событий внутри древнерусского текста;

— **историографическую реконструкцию** — вывод исследователей, основанный на сопоставлении летописных и внешних источников;

— **доказанный исторический факт** — событие, подтверждаемое независимыми источниками.

Такое различие особенно существенно применительно к походам Олега, его отношениям с различными племенами и обстоятельствам смерти.

Важнейшим эпизодом летописного рассказа является поход на Киев и установление там власти Олега. Последующее повествование связывает с его именем военные действия против ряда восточнославянских объединений и поход на Византию.

При этом археология не позволяет непосредственно восстановить биографию Олега по отдельным археологическим комплексам. Она предоставляет более широкий **историко-культурный контекст**, в котором происходили описываемые летописью процессы.

1.3. Археологический контекст эпохи

Археологические материалы IX—X веков имеют принципиальное значение для изучения среды, в которой формировалась ранняя Русь. Среди наиболее известных памятников, связанных с этим периодом, находятся **Старая Ладога, Гнёздово, Шестовица и Тимерёво**.

Исследования этих комплексов выявляют интенсивные контакты между населением Восточной Европы и североевропейским миром. В материальной культуре обнаруживаются предметы различного происхождения, в том числе вооружение, украшения, элементы костюма и погребального обряда.

Однако из этого нельзя непосредственно заключить, что конкретный археологический комплекс принадлежал Олегу или что найденные в нём предметы, являлись его личным имуществом.

Археология позволяет говорить о **социальной, экономической, военной и культурной среде**, в которой существовали ранние центры Руси. Она значительно хуже приспособлена для идентификации конкретной исторической личности, если отсутствует индивидуализирующая надпись, документированный комплекс или иное прямое свидетельство.

Поэтому формулировку исходной книги о том, что археологические материалы «подтверждают» деятельность Олега в конкретных центрах, необходимо заменить более строгой:

археологические данные подтверждают существование в IX—X веках развитой системы контактов между восточноевропейскими центрами и Северной Европой, которая составляет исторический контекст для летописного рассказа о ранней Руси.

Особое место в этом контексте занимает Старая Ладога. Систематические археологические исследования памятника проводились на протяжении многих десятилетий. Архивные материалы Староладожской экспедиции позволяют установить не только результаты раскопок, но и конкретных исследователей, даты полевых работ и местонахождение научной документации.

В частности, в архиве Института археологии РАН сохранился отчёт В. И. Равдоникаса о работах 1947 года — **Ф-1, Р-1, №247**. Отчёты Г. П. Гроздилова за 1948 год и последующие материалы также позволяют проследить историю археологического изучения памятника.

Тем самым археологические данные должны использоваться в настоящей книге не как прямое доказательство биографии Олега, а как **контрольный исторический контекст** для проверки того, насколько летописная картина соответствует общей археологической обстановке эпохи.

1.4. Североевропейские связи и проблема «варяжского» происхождения

Олег определяется как представитель скандинавской знати, впоследствии ассимилированной в славянской среде. Такая формулировка соответствует одному из направлений историографической интерпретации ранней Руси, однако не может быть представлена как бесспорно установленный факт.

Само имя **Олег** обычно сопоставляется с древнескандинавским именем *Helgi*. Это обстоятельство является одним из аргументов в пользу скандинавского компонента в происхождении княжеской династической традиции. Одновременно культурная и политическая среда Руси IX—X веков не сводилась к одному этническому компоненту.

Археологические комплексы Северо-Западной и Центральной Восточной Европы свидетельствуют о взаимодействии различных групп населения. В них обнаруживаются как северо-европейские, так и местные восточноевропейские элементы.

Поэтому современная научная формулировка должна избегать простой схемы «скандинавы пришли и стали славянами». Более корректно говорить о **сложном процессе политического, экономического и культурного взаимодействия**, в котором скандинавские группы участвовали наряду с местным населением и другими группами.

Внешние источники также свидетельствуют о существовании активных связей Руси с Византией и Северной Европой. Однако каждый такой источник требует отдельного анализа: необходимо устанавливать, относится ли его сообщение непосредственно к Олегу, к его современникам или лишь к более широкому политическому окружению эпохи.

1.5. Эпитет «вещий»: исторический термин и позднейшая интерпретация

Особого внимания требует сам эпитет **«вещий»**.

Он трактуется как однозначное указание на пророческий дар Олега. Однако такое объяснение чрезмерно упрощает семантику слова.

Современные словари фиксируют у слова «вещий» несколько значений: «знающий», «мудрый», «умудрённый опытом», а также «обладающий даром предвидения» и «пророческий».

Следовательно, сам эпитет ещё не доказывает существование у исторического Олега особого пророческого статуса.

Более осторожная интерпретация состоит в том, что эпитет **«Вещий» принадлежит к устойчивой системе характеристики мудрого или знающего персонажа**. Уже в последующей литературной и культурной традиции он приобрёл ярко выраженное значение пророческого предвидения.

Это различие принципиально важно для всего дальнейшего исследования.

Мы должны различать:

- **исторического Олега**, реконструируемого по разнородным источникам;
- **летописного Олега**, являющегося персонажем древнерусского исторического повествования;
- **Вещего Олега**, сформировавшегося как культурный образ в процессе последующей рецепции;
- **философский и литературный образ Олега**, получивший особое развитие в русской литературе XIX—XX веков.

1.6. Летописный рассказ о смерти Олега

Наиболее известным эпизодом летописной биографии Олега является рассказ о его смерти.

Согласно ПВЛ, волхв предсказывает князю смерть от его собственного коня. Олег, поверив предсказанию, отказывается от коня. Через несколько лет он узнаёт о смерти животного и посещает место, где лежат его останки. Наступив на конский череп, князь оказывается ужален змеей и умирает.

Этот рассказ действительно занимает центральное место в формировании образа «Вещего Олега». Но принципиально важно определить его источниковедческий статус.

Само наличие рассказа в летописной традиции подтверждается. Его буквальная достоверность как описания реального обстоятельства смерти Олега — не доказана.

Иными словами, историк вправе сказать:

«Летописная традиция сообщает, что Олег умер вследствие укуса змеи, скрывавшейся в черепе его коня».

Но научно некорректно превращать это сообщение в установленный биографический факт без дополнительного независимого свидетельства.

Не менее осторожно следует обращаться с утверждением о существовании прямого «архетипического» соответствия между рассказом об Олеге и греческими или скандинавскими сюжетами. Сходство мотивов действительно может быть предметом сравнительного исследования, однако само по себе оно не доказывает прямого заимствования.

Поэтому в последующих главах данной книги мотив смерти Олега будет рассматриваться одновременно на трёх уровнях:

- как **летописное повествование**;
- как **литературный сюжет о пророчестве и судьбе**;
- как **объект сравнительно-исторического и мифологического анализа**.

Эти уровни не должны смешиваться!

1.7. Исторический Олег и культурный образ Вещего Олега

Таким образом, уже на первом этапе исследования необходимо провести границу между тем, что можно установить относительно исторического Олега, и тем, что принадлежит последующей культурной памяти.

Источники позволяют уверенно говорить о существовании ранней русской княжеской традиции, о политическом значении Киева, о широких связях Восточной Европы с Византией и Северной Европой и о том, что имя Олега занимает заметное место в древнерусском летописании.

Однако значительно труднее установить:

- точный объём его личной власти;
- этническую идентичность в современных категориях;
- все приписываемые ему походы;
- точные обстоятельства смерти;
- существование конкретного места его погребения;
- связь определённого археологического комплекса непосредственно с Олегом.

Поэтому научное исследование Вещего Олега должно строиться не на попытке искусственно устранить все пробелы источников, а, напротив, на **точной фиксации границ нашего знания**.

Олег существует для историка одновременно в нескольких измерениях: как персонаж ранней летописной истории Руси, как участник исторической памяти и как литературно-культурный образ, развитие которого продолжалось многие столетия.

Именно переход от исторической фигуры к образу — от сообщения источника к его интерпретации — станет одной из центральных проблем последующих глав.

Положение исходника	Научная редакция	Статус
ПВЛ — первый письменный источник об Олеге	ПВЛ — основной дошедший древнерусский источник, но сохранившийся в более поздних списках	Подтверждено с оговоркой
ПВЛ написана Нестором	Авторство Нестора — историографическая гипотеза, а не бесспорный факт	Спорно
Сильвестр — автор ПВЛ	Сильвестр связан с редакцией/фиксацией текста 1116 г.; объём его работы дискуссионен	Спорно
Олег правил в 879–912 гг.	Традиционная летописно-историографическая хронология	Вероятно / традиционная реконструкция
Олег сделал Киев столицей	Летопись сообщает о взятии Киева и формуле «мать городов русских»; «столица» — историографическая интерпретация	Подтверждено как летописное сообщение
Археология подтверждает деятельность Олега в Ладоге, Гнёздове и др.	Археология подтверждает исторический контекст эпохи, но не личное присутствие Олега	Не подтверждено в прямом смысле
Олег был скандинавским князем	Скандинавский компонент вероятен, но точная этническая идентификация не доказана	Вероятно / спорно
«Вещий» означает пророк	Слово имеет более широкий спектр значений: знающий, мудрый, пророческий	Спорно как единственное толкование
Олег погиб от змеи	Так сообщает летописная традиция; независимого подтверждения нет	Не подтверждено как исторический факт
Сюжет смерти имеет индоевропейский архетип	Возможен сравнительный анализ мотивов, но прямое происхождение требует отдельного доказательства	Спорно

ГЛАВА II. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА ВЕЩЕГО ОЛЕГА

2.1. Мотив пророчества и судьбы

Одним из центральных элементов образа Вещего Олега является мотив предсказания собственной смерти. В древнерусской летописной традиции этот мотив представлен в рассказе о волхве, который сообщает князю, что тот умрёт «от коня своего». Олег после этого расстаётся с конём, однако спустя годы возвращается к его останкам. При соприкосновении с черепом животного из него выползает змея и смертельно жалит князя.

Для понимания этого эпизода необходимо различать два уровня анализа.

Первый уровень — **источниковедческий**. Летописный текст действительно содержит рассказ о пророчестве, коне, черепе и змее. Это установленный факт истории текста.

Второй уровень — **сравнительно-мифологический**. Исследователь может сопоставлять данный сюжет с другими повествовательными традициями, в которых герой пытается избежать предсказанной судьбы и тем самым оказывается участником её исполнения. Однако такое сопоставление не доказывает существования единого «индоевропейского сюжета», из которого непосредственно происходит рассказ об Олеге.

Поэтому выражение «мотив имеет индоевропейское происхождение» следует использовать только как гипотезу сравнительной мифологии, а не как установленный исторический факт.

Более корректно говорить о **широкой распространённости мотива пророчества и неизбежной судьбы** в эпических и религиозных традициях Евразии.

В рассказе об Олеге особенно важна парадоксальная структура сюжета: герой получает предупреждение, предпринимает рациональное действие для предотвращения предполагаемой опасности, но именно это действие не отменяет пророчества.

Однако летописный рассказ не формулирует философскую концепцию судьбы в отвлечённом виде. Такой смысл возникает прежде всего в результате последующей интерпретации.

2.2. Конь как элемент сюжета

Конь занимает центральное место в рассказе о смерти Олега. Но утверждение о том, что в древнерусской мифологии конь обязательно являлся «посредником между миром живых и мёртвых», требует существенного уточнения.

Конь действительно обладает значительной символической нагрузкой в различных индоевропейских и евразийских культурах. Он связан с военной аристократией, мобильностью, статусом всадника и погребальной обрядностью. В некоторых религиозных традициях конь участвует в представлениях о переходе между различными сферами мира.

Но из этого нельзя автоматически вывести конкретное значение коня именно в рассказе об Олеге.

В летописном повествовании конь прежде всего является **предметом пророчества и условием его исполнения**. Именно поэтому он оказывается сюжетно значимым.

Летописец не даёт развёрнутого комментария о символическом значении животного. Следовательно, интерпретация коня как «посредника между мирами» относится к исследовательской реконструкции, а не к прямому содержанию источника.

Тем самым необходимо различать:

Источник: Олегу предсказана смерть от собственного коня.

Интерпретация: конь может рассматриваться как символическое звено между жизнью, смертью и властью.

Второе утверждение не следует выдавать за прямое свидетельство древнерусского мировоззрения.

2.3. Пророчество как литературный механизм

Сюжет о смерти Олега обладает чрезвычайно чёткой композиционной структурой.

Сначала сообщается предсказание.

Затем герой пытается устранить условие, названное причиной будущей смерти.

После этого проходит время.

Герой возвращается к предмету, который, как ему кажется, уже утратил опасность.

Именно в этот момент пророчество реализуется.

Такое построение создаёт эффект **отложенного исполнения судьбы**. Предсказание не исчезает после того, как герой предпринимает меры предосторожности; напротив, оно сохраняет силу и реализуется через обстоятельство, которое первоначально кажется уже неопасным.

С литературной точки зрения этот приём усиливает драматизм рассказа. Смысл смерти Олега заключается не только в самом событии, но и в несоответствии между человеческим ожиданием и итогом.

В этом отношении рассказ о князе можно рассматривать как один из наиболее выразительных примеров древнерусского повествования, в котором биографический сюжет приобретает нравственно-философское измерение.

При этом нельзя утверждать, что летописец сознательно строил рассказ по определённой современной нам теории «архетипа». Термин «архетип» относится к более позднему научному языку и должен применяться здесь как инструмент анализа, а не как характеристика авторского замысла.

2.4. Сопоставление с германо-скандинавской традицией

Сравнение рассказа об Олеге с германо-скандинавской литературой представляет научный интерес, однако требует строгого хронологического и текстологического контроля.

Для примера «Сага о Вёльсунгах». Однако сама сага записана значительно позднее эпохи предполагаемого Олега. Поэтому её нельзя использовать как прямое свидетельство того, что аналогичный сюжет существовал в Руси IX—X веков или был заимствован из скандинавской традиции.

Корректная постановка вопроса выглядит иначе:

существуют ли в различных средневековых традициях сходные модели повествования о пророчестве, попытке избежать судьбы и последующем исполнении предсказания?

На этот вопрос можно отвечать положительно. Однако сходство мотива само по себе не устанавливает генетического родства текстов.

Для доказательства заимствования необходимо было бы показать:

- хронологическую возможность контакта;
- наличие соответствующего сюжета в более раннем источнике;
- структурное, а не только поверхностное сходство;
- механизм передачи мотива;
- дополнительные языковые, исторические или текстологические признаки.

Без такого комплекса доказательств корректнее говорить о **типологическом сходстве**, а не о прямом происхождении сюжета.

2.5. Олег и образ пророческого правителя

Олег не называется «царём-жрецом» в ПВЛ. Летописный текст представляет его прежде всего, как князя и военного правителя. Связь с волхвом возникает в контексте предсказания его смерти, но это не означает, что сам Олег выполнял жреческую функцию.

Следовательно, определение Олега как **«царя-жреца» является современной интерпретационной моделью**, а не характеристикой, непосредственно подтверждённой древнерусским источником.

То же относится к сопоставлению с Заратуштрой, Одином и Орфеем.

Эти фигуры принадлежат различным культурным, религиозным и хронологическим контекстам:

- Заратуштра связан с древнеиранской религиозной традицией;
- Один является фигурой германо-скандинавской мифологии;
- Орфей — персонаж древнегреческой мифологической и литературной традиции;
- Олег — персонаж древнерусской летописной традиции.

Их можно сопоставлять **типологически**, например, по функциям знания, пророчества, сакрального слова или связи с потусторонним миром. Но такое сравнение не означает, что Олег является славянским аналогом какого-либо из перечисленных персонажей.

2.6. Знание, власть и пророчество

Более продуктивным является исследование другого аспекта образа Олега — соединения политической власти и знания будущего.

Летописный рассказ создаёт особую драматическую ситуацию: князь, обладающий политической властью, оказывается неспособен отменить предсказание собственной смерти.

Здесь возникает важное противопоставление:

власть над политическим пространством ≠ власть над собственной судьбой.

Олег может принимать решения, вести войско, устанавливать политический порядок и совершать военные походы, но не может полностью контролировать обстоятельства собственной смерти.

Именно это противопоставление позволяет объяснить долговечность сюжета в литературной памяти.

В последующей культуре Олег становится не столько историческим князем, сколько фигурой, через которую осмысливается ограниченность человеческой власти.

Однако это уже **история рецепции образа**, а не непосредственное содержание раннего источника.

2.7. Сюжет о смерти и проблема исторической достоверности

Историк должен особенно осторожно обращаться с рассказом о смерти Олега.

Возможны по меньшей мере три исследовательские позиции.

Первая: принять летописное сообщение как описание реального обстоятельства смерти.

Вторая: считать рассказ литературной конструкцией, сформированной независимо от реального события.

Третья: признать, что первоначальное историческое событие могло существовать, но дошедшая до нас форма рассказа подверглась литературной обработке.

При современном состоянии источников третья позиция позволяет наиболее строго соблюдать границы доказуемого: существование самого летописного сюжета несомненно, тогда как историческая фактическая основа каждого его элемента не может быть установлена непосредственно.

Особенно проблематично пытаться подтвердить археологически смерть Олега от змеи. Археологические данные не позволяют установить такой механизм смерти конкретного исторического лица без непосредственного антропологического и документального комплекса, которого в распоряжении исследователей нет.

Поэтому любые попытки объявить определённый курган «могилой Олега» должны рассматриваться как **локальная традиция или гипотеза**, а не как установленный археологический факт.

2.8. «Архетип» Олега: методологическая оговорка

Термин «архетип» широко используется в гуманитарных исследованиях, однако его применение к древнерусскому материалу требует методологической осторожности.

Если под архетипом понимать универсальную или повторяющуюся повествовательную модель, то образ Олега можно сопоставлять с другими сюжетами о пророчестве, власти, судьбе и смерти.

Если же под архетипом понимать конкретную категорию аналитической психологии К. Г. Юнга, необходимо специально оговаривать теоретическую основу такого применения.

Нельзя писать:

«Олег является индоевропейским архетипом царя-пророка».

Научно корректнее:

«Образ Олега допускает сравнительное рассмотрение в контексте типологических моделей пророческого правителя, представленных в различных эпических и религиозных традициях».

Вторая формулировка не утверждает исторического происхождения одного сюжета от другого и оставляет возможность для проверки конкретных параллелей.

2.9. От летописного персонажа к мифологизированному образу

Таким образом, мифологическая структура образа Вещего Олега формируется не только содержанием летописного рассказа, но и его последующей интерпретацией.

Исходный летописный материал включает:

- княжескую власть;
- военные действия;
- установление власти в Киеве;
- отношения с Византией;
- предсказание смерти;
- смерть после укуса змеи.

Последующая культурная память усиливает другие характеристики:

- мудрость;
- предвидение;
- неизбежность судьбы;
- символическую связь человека с природой;
- ограниченность человеческой власти;
- превращение смерти в средство посмертного прославления.

В результате возникает сложный образ, в котором историческое и легендарное начала не могут быть полностью разделены.

Поэтому Вещий Олег в настоящем исследовании рассматривается не как готовый «мифологический персонаж», существовавший в неизменном виде с IX века, а как **историческая фигура, образ которой постепенно мифологизировался в процессе летописной фиксации и последующей культурной рецепции**.

Это различие является принципиальным. Оно позволяет сохранить мифологическую глубину образа, не превращая гипотезы сравнительной мифологии в исторические факты.

2.10. Выводы

Мифологическая структура образа Вещего Олега основана прежде всего на летописном сюжете о пророчестве и смерти.

Исторически достоверным является существование этого сюжета в древнерусской летописной традиции. Историческая достоверность самого механизма смерти и первоначального происхождения рассказа остаётся нерешённой.

Сходные мотивы встречаются в различных культурах, однако их наличие не позволяет автоматически говорить об общем происхождении. Поэтому сравнительно-мифологические параллели должны использоваться как **инструмент интерпретации**, а не как доказательство биографических фактов.

Олег может быть исследован как образ пророческого правителя, однако определение его как «царя-жреца», прямого аналога Одина, Заратуштры или Орфея либо носителя универсального индоевропейского архетипа требует дополнительных аргументов и не должно подаваться как установленное знание.

Главный результат такого подхода состоит в разграничении трёх уровней:

исторический Олег → летописный Олег → культурный образ Вещего Олега.

Именно взаимодействие этих трёх уровней создаёт тот сложный образ, который позднейшая русская литература и культура превратили в одну из наиболее узнаваемых фигур ранней отечественной истории.

Исходное утверждение	Редакционный статус
Мотив смерти Олега имеет доказанное индоевропейское происхождение	Спорно — возможна типологическая параллель, но происхождение требует доказательства
Конь в славянской мифологии обязательно соединяет мир живых и мёртвых	Спорно / чрезмерное обобщение
«Сага о Вёльсунгах» доказывает древнее происхождение сюжета Олега	Не подтверждено
Олег — «царь-жрец»	Не подтверждено источником
Олег подобен Заратуштре, Одину и Орфею	Сравнительная интерпретация, не исторический факт
Олег владел сакральным знанием	Спорно ; источником такого знания в летописном рассказе выступает волхв
Пророчество доказывает сакральный статус Олега	Не подтверждено
Олег умер именно так, как описывает летопись	Не подтверждено независимо
Определённый курган может быть археологически объявлен могилой Олега	Не подтверждено
Сюжет о пророчестве и его исполнении действительно является центральным элементом образа	Подтверждено как характеристика летописной и последующей традиции

ГЛАВА III. ЭПОС И ЛЕТОПИСЬ: ОТ МИФА К ИСТОРИИ

3.1. Двойственная природа летописного повествования

Изучение образа Вещего Олега невозможно без разграничения двух уровней древнерусского повествования: историко-летописного и литературно-нарративного. Летопись сообщает сведения о событиях прошлого, однако делает это не в форме современной исторической хроники. Древнерусский книжник отбирал материал, располагал его в определённой последовательности, соединял различные известия, легендарные рассказы, предания и письменные источники и включал их в более широкую концепцию истории Русской земли.

Особенно важно это учитывать применительно к рассказу об Олеге. Самые ранние сохранившиеся рукописные списки, содержащие текст «Повести временных лет», относятся не к эпохе самого князя, а к более позднему времени. Древнейший дошедший до нас датированный список — Лаврентьевская летопись 1377 года. Она содержит текст «Повести временных лет», который восходит к более раннему летописному своду начала XII века. Таким образом, между описываемыми событиями конца IX — начала X века и сохранившейся рукописью существует несколько столетий текстовой и рукописной традиции.

Это обстоятельство имеет принципиальное методологическое значение. Нельзя механически рассматривать рассказ летописи как непосредственную запись очевидца событий 882 или 912 года. Перед исследователем находится сложный текст, сформировавшийся в результате работы нескольких поколений книжников и редакторов.

При этом из сказанного не следует, что летописное сообщение необходимо считать поздней выдумкой. Летописец мог использовать более ранние письменные материалы, устные предания, княжескую и церковную традицию, дипломатические известия и другие источники, которые до нашего времени не сохранились. Поэтому задача историка заключается не в простом разделении текста на «правду» и «миф», а в определении степени исторической информативности отдельных его элементов.

Именно такой подход позволяет рассматривать рассказ об Олеге одновременно как исторический источник и как памятник древнерусской литературы.

Лаврентьевская летопись сама по себе представляет сложное произведение компилятивного характера. В её составе соединены материалы различного происхождения и времени создания. Национальная электронная библиотека прямо характеризует памятник как компиляцию произведений различных жанров и авторов, значительная часть которых неизвестна, причём повествование о дохристианской Руси опирается в том числе на исторические предания и легенды.

Следовательно, употребление понятия «эпос» применительно к рассказу об Олеге требует осторожности. Мы можем говорить об эпических и легендарных элементах повествования, однако это не означает, что весь летописный рассказ представляет собой эпическое произведение в строгом жанровом смысле.

Источниковедческая оговорка об авторстве «Повести временных лет»

Особого внимания требует традиционное представление о Несторе как об авторе «Повести временных лет».

В историографии XIX—XX веков текст нередко называли «Несторовой летописью». Такая традиция отражена даже в ранних печатных изданиях. Например, издание 1824 года озаглавлено «Повесть временных лет. Летопись Несторова, по древнейшему списку мниха Лаврентия». Однако название поздней публикации не является доказательством того, что весь сохранившийся текст был написан одним человеком по имени Нестор.

Проблема авторства остаётся предметом научной дискуссии. Современные исследования рассматривают вопрос об участии Нестора в создании первоначального текста, о последующих редакциях и о роли других книжников. В частности, А. М. Ранчин специально анализировал проблему атрибуции «Повести временных лет» и показал, что вопрос о её авторстве не может считаться окончательно решённым простым указанием на Нестора.

3.2. Рассказ об Олеге как историко-литературная конструкция

Рассказ о Вещем Олеге в «Повести временных лет» объединяет несколько сюжетных комплексов.

Первый связан с политической историей: приход Олега к власти, его отношения с Игорем, движение на юг, овладение Киевом, подчинение ряда племенных объединений, военные походы и отношения с Византией.

Второй комплекс имеет повествовательно-легендарный характер. К нему относится рассказ о пророчестве волхва, коне Олега, последующем возвращении к месту смерти животного и гибели князя от укуса змеи.

Третий уровень связан с авторской интерпретацией истории Русской земли. Олег представлен не просто как военный предводитель, а как фигура, включённая в рассказ о происхождении и политическом устройстве Руси.

Такое соединение разных уровней является характерной особенностью средневекового исторического письма. Для летописца историческое событие не существовало изолированно от нравственного, религиозного и династического смысла. История должна была объяснять не только то, что произошло, но и место происходящего в общей картине прошлого.

Поэтому рассказ о смерти Олега нельзя автоматически отделить от остального текста как «чисто сказочную вставку». Он выполняет определённую литературную функцию внутри летописного повествования.

В то же время литературная функция не доказывает историческую достоверность самого события.

Это различие принципиально:

литературно значимый рассказ ≠ автоматически исторически подтверждённое событие.

И наоборот:

легендарная форма ≠ автоматически полная выдумка.

Историк должен исследовать каждый элемент отдельно.

3.3. Формула героя-основателя

Образ Олега сопоставлялся с Энеем, Ромулом и другими героями-основателями. Такое сравнение может быть полезным в рамках сравнительной мифологии, однако его следует понимать, как типологическую аналогию, а не как доказательство прямого влияния античной традиции на древнерусского летописца.

В повествовании «Повести временных лет» Олег действительно выполняет функцию политического объединителя. Особое значение имеет рассказ о захвате Киева и установлении его в качестве центра Русской земли.

Летописная формула:

«Да будет Киевъ мати городомъ русскимъ»

имеет не только географическое, но и политико-идеологическое значение. Она помещает Киев в центр последующего повествования о Русской земле.

Однако выражение «акт космического творения пространства», использовавшееся в исходной версии рукописи, является современной исследовательской интерпретацией. Сам

летописный текст не формулирует подобную концепцию в терминах современной сравнительной мифологии.

Поэтому научно корректнее говорить о **символическом и политическом оформлении Киева как центра Русской земли**, а не утверждать, что летописец сознательно описывает ритуальное создание «центра мира».

Образ героя-основателя действительно может быть использован как аналитическая категория. В таком случае Олег сопоставим с другими персонажами историко-легендарных традиций, которым приписывается установление политического порядка. Но подобное сравнение должно учитывать различия между культурами и эпохами.

Олег не является русским аналогом Ромула или Энея в буквальном смысле. Он представляет самостоятельный образ древнерусской летописной традиции, который может быть сопоставлен с героями-основателями лишь на типологическом уровне.

3.4. Киев и формирование политического центра

Особое место в рассказе об Олеге занимает Киев.

Летописное повествование связывает с Олегом переход политической инициативы на юг и объединение Киева с северными землями, связанными с княжеской властью. Именно здесь формируется важнейшая для последующей русской историографии схема: северный варяжский мир, путь по речным системам и Киев как центральный пункт политической организации.

В историографическом отношении, однако, необходимо избегать анахронизма. Нельзя автоматически переносить на конец IX века более позднее понятие централизованного государства с устойчивой столицей, административными границами и единой системой управления.

Политическая организация Руси IX—X веков была значительно менее централизованной, чем государственные структуры более поздних периодов. Власть князя опиралась на военную дружину, контроль над торговыми маршрутами, сбор дани, систему союзов и зависимостей.

Поэтому формулу «Олег сделал Киев столицей» следует рассматривать как удобное историографическое сокращение. Более точно сказать, что летописная традиция связывает с Олегом установление Киева как главного политического центра объединённой Русской земли.

Это различие особенно важно для научного текста, поскольку позволяет избежать переноса позднейших политических категорий на раннесредневековую действительность.

3.5. Значение эпитета «вещий»

Эпитет «вещий» является одной из центральных особенностей образа Олега.

В исходной рукописи он трактуется как особый сакральный титул правителя, связанный с волхвами, предками и небесным порядком. Такая интерпретация возможна в рамках мифологического анализа, но она не должна подаваться как установленное историческое значение эпитета.

На уровне источниковедения следует исходить из самого древнерусского текста и лексического контекста.

Слово «вещий» связано с семантикой знания, предвидения, способности понимать скрытый смысл происходящего. Поэтому применительно к Олегу оно естественным образом вступает в связь с последующим рассказом о пророчестве и его смерти.

Однако из этого нельзя выводиться существование у Олега официального жреческого или религиозного титула.

Особенно важно отказаться от формулы «царь-жрец», если она употребляется как историческое определение. В летописном рассказе Олег является князем и военным правителем; он не представлен как священнослужитель или волхв.

Более обоснованным является следующее понимание: эпитет «вещий» **литературно усиливает образ князя, связанного со знанием будущего и судьбой**, а его смысл раскрывается через последующий эпизод пророчества.

Таким образом, связь между именованием Олега «вещим» и рассказом о предсказании имеет очевидное композиционное значение.

3.6. Пророчество как литературный механизм

Сюжет о пророчестве выполняет в повествовании функцию предварительного знания.

Летописец сообщает читателю о предстоящей смерти Олега раньше самого события. Благодаря этому возникает особая структура повествования: читатель знает то, чего не знает или не принимает во внимание герой.

Олег пытается избежать предсказанной судьбы, отказываясь от своего коня. Однако позднее возвращение к животному и смерть от змеи создают эффект исполнения пророчества.

С литературной точки зрения это классический механизм повествования о предопределённой судьбе: попытка избежать будущего становится частью пути к нему.

Но необходимо различать литературную структуру и историческую интерпретацию.

Мы можем уверенно говорить о том, что **летописный рассказ построен таким образом**, что пророчество получает подтверждение в финале. Мы не можем на основании самого текста установить, существовало ли подобное предсказание в действительности, когда оно было впервые рассказано и насколько ранним является этот сюжет.

Поэтому историк должен формулировать вывод следующим образом:

пророчество является достоверным элементом летописного повествования как текста, но не является самостоятельно подтверждённым историческим фактом биографии Олега.

Такое различие позволяет одновременно сохранить значение сюжета и избежать его некритического историзирования.

3.7. Сюжет смерти Олега: между преданием и историей

Рассказ о смерти Олега является одним из наиболее известных эпизодов древнерусской летописной традиции.

В нём соединены несколько мотивов:

- предсказание смерти;
- отказ героя от опасного животного;
- временное прекращение связи с конём;
- возвращение к месту, связанному с животным;
- соприкосновение с останками коня;
- появление змеи;
- смерть героя;
- исполнение пророчества.

Композиционная завершённость этого эпизода чрезвычайно высока. Именно поэтому рассказ оказал огромное влияние на последующую русскую литературу и культуру.

Но литературная завершённость сама по себе не позволяет определить историческую достоверность события.

Археология не располагает независимым свидетельством, которое позволяло бы установить, что конкретный князь Олег умер именно от укуса змеи. Не обнаружено и достоверно идентифицированного погребения Олега, которое могло бы подтвердить обстоятельства его смерти.

Следовательно, научная классификация данного сообщения должна быть осторожной:

— **источник сообщает о смерти Олега и связывает её с исполнением пророчества;**

— **конкретный механизм смерти независимо не подтверждён.**

Это не означает, что вся история об Олеге является недостоверной. Напротив, отдельные сведения о его политической деятельности могут рассматриваться в совокупности с другими источниками и археологическими данными. Однако легендарный рассказ о смерти необходимо отделять от тех сведений, которые могут быть проверены независимо.

3.8. Летописный текст и проблема исторической памяти

Важнейшее значение рассказа об Олеге заключается не только в сообщении о событиях IX—X веков, но и в том, каким образом последующие поколения представляли собственное прошлое.

Летопись создаёт образ прошлого в соответствии с задачами своего времени. Олег становится фигурой, через которую объясняется происхождение политического порядка, значение княжеской власти и преемственность русской истории.

При этом необходимо учитывать хронологическую дистанцию между событиями и их письменной фиксацией.

Лаврентьевская летопись была создана в 1377 году, то есть значительно позднее предполагаемого времени деятельности Олега. При этом содержащийся в ней текст «Повести временных лет» восходит к более ранней летописной традиции начала XII века.

Особое значение имеет приписка, связанная с игуменом Сильвестром. НЭБ указывает, что текст «Повести временных лет» в Лаврентьевской летописи завершается припиской Сильвестра; традиционно с его редакторской работой связывают одну из стадий формирования летописного текста.

Отсюда следует важный вывод: когда мы говорим «летописец сообщает», необходимо понимать, что за этим обозначением скрывается продолжительный процесс формирования текста.

Исследователь имеет дело не с единственным автором, который однажды записал все события, а с традицией передачи, отбора и редактирования исторических материалов.

3.9. От мифа к истории: метод исторической критики

Для исследования Вещего Олега целесообразно использовать многоуровневую модель источниковой проверки.

Первый уровень — текстологический

Необходимо установить, в каком летописном списке находится конкретное сообщение, какие существуют варианты чтения и какова история соответствующего текста.

Для этого принципиальны Лаврентьевская и Ипатьевская традиции, а также другие списки летописей.

Лаврентьевская летопись представляет особую ценность, поскольку содержит древнейший из сохранившихся списков «Повести временных лет». Её современный шифр хранения в Российской национальной библиотеке — **Ф.п.IV.2**.

Для научной работы необходимо указывать не только название памятника, но и конкретный список, поскольку разные рукописные традиции могут иметь текстовые различия.

Второй уровень — исторический

Затем следует определить, подтверждается ли сообщение независимыми источниками.

К таким источникам могут относиться:

- византийские письменные свидетельства;
- арабско-персидские авторы;
- западноевропейские источники;

- археологические материалы;
- нумизматические находки;
- данные о торговых маршрутах;
- эпиграфические памятники.

Чем больше независимых свидетельств согласуются между собой, тем выше степень исторической вероятности.

Третий уровень — археологический

Археология способна подтверждать существование поселений, торговых связей, военной активности, материальной культуры и хронологических процессов.

Но археологический материал редко позволяет непосредственно установить личность конкретного правителя.

Например, обнаружение предметов скандинавского происхождения в раннесредневековом поселении подтверждает наличие соответствующих контактов или присутствие людей северного происхождения, но само по себе не доказывает пребывание в данном месте именно Олега.

Четвёртый уровень — сравнительно-литературный

Сходство сюжетов с другими традициями может быть исследовано в рамках сравнительной мифологии и истории литературы.

Однако сходство мотива не доказывает его заимствования.

Поэтому параллели с античными, германо-скандинавскими, библейскими или иными сюжетами следует обозначать как **типологические**, если отсутствуют доказательства непосредственного литературного контакта.

Пятый уровень — историографический

Наконец, необходимо изучить историю интерпретации самого образа Олега.

Одно дело — то, что сообщает древнерусский текст.

Другое — то, как этот текст понимали историки XIX века.

Третье — его интерпретация в литературе XX—XXI веков.

И четвёртое — современные научные реконструкции.

Смешение этих уровней создаёт ложное впечатление, будто позднейшая интерпретация непосредственно содержится в древнем источнике.

3.10. Степени исторической достоверности

Для дальнейшего исследования Вещего Олега предлагается использовать следующую систему классификации.

Статус	Значение
Подтверждено	сообщение имеет несколько независимых или надёжных подтверждений
Вероятно	сообщение согласуется с совокупностью источников, но прямого доказательства нет
Спорно	существуют серьёзные основания как для принятия, так и для критики сообщения
Не подтверждено	независимых свидетельств недостаточно или они отсутствуют
Литературная интерпретация	вывод относится к художественной структуре текста, а не к установленному историческому факту

Такая классификация особенно необходима в исследовании Олега, поскольку значительная часть его образа дошла до нас именно через литературно организованный летописный рассказ.

Например:

Утверждение	Источниковый статус
Олег представлен летописной традицией как князь, связанный с Киевом	Подтверждается текстом летописной традиции
Олег совершал походы и участвовал в политическом объединении земель	Вероятно / требует сопоставления источников
Олег был скандинавом в современном этническом смысле	Спорно как формулировка; требует уточнения терминологии
Олег обладал официальным титулом «царь-жрец»	Не подтверждено
Олег умер от укуса змеи	Сообщается летописью, но независимо не подтверждено
Эпитет «вещий» был официальным религиозным титулом	Не подтверждено
Рассказ о смерти содержит устойчивую литературную структуру пророчества и его исполнения	Подтверждается анализом текста
Олег является прямым аналогом Ромула, Энея или Одина	Не исторический факт; только сравнительно-типологическая интерпретация

3.11. Значение источниковедческой критики для образа Вещего Олега

Источниковедческая критика не уменьшает значение образа Олега. Напротив, она позволяет точнее определить, из каких компонентов этот образ складывается.

Можно выделить три взаимосвязанных уровня:

исторический Олег → летописный Олег → культурный образ Вещего Олега.

Исторический Олег — фигура раннесредневековой политической истории, сведения о которой дошли в ограниченном количестве и требуют реконструкции.

Летописный Олег — персонаж «Повести временных лет» и связанной с ней рукописной традиции, сформированный в результате отбора и литературной организации исторического материала.

Культурный Олег — образ, получивший дальнейшее развитие в историографии, литературе, поэзии, изобразительном искусстве и массовой культуре.

Смешение этих трёх уровней является одной из основных причин появления псевдоисторических реконструкций.

Если, например, литературный мотив пророчества автоматически объявляется свидетельством реальной религиозной практики IX века, происходит переход от текста к истории без промежуточного доказательства.

Если археологическая находка скандинавского происхождения объявляется личной вещью Олега, происходит аналогичная ошибка.

Если поздняя философская интерпретация называется «древнерусским мировоззрением», исследователь переносит современную концепцию на средневековый источник.

Научное исследование должно постоянно контролировать эти переходы.

3.12. Выводы

Рассказ о Вещем Олеге представляет собой сложный историко-литературный комплекс, в котором соединены сведения о ранней истории Руси, политическая память, устные предания и литературная организация повествования.

«Повесть временных лет» не может рассматриваться как непосредственная запись событий конца IX — начала X века. Сохранившийся текст дошёл в более поздних рукописных списках, древнейшим датированным из которых является Лаврентьевская летопись 1377 года. Сам текст «Повести временных лет» относится к более ранней летописной традиции начала XII века.

Авторство этого свода также нельзя безоговорочно приписывать одному Нестору. Вопрос об участии Нестора и других книжников остаётся предметом текстологической и историографической дискуссии.

Рассказ об Олеге обладает выраженной литературной структурой. Особенно это заметно в эпизоде пророчества и смерти князя. Однако литературная организация повествования не позволяет автоматически превращать каждый его элемент в исторический факт.

Поэтому образ Вещего Олега необходимо изучать одновременно в нескольких измерениях:

- как свидетельство древнерусской исторической памяти;
- как литературно организованный летописный рассказ;
- как источник для реконструкции раннесредневековой истории;
- как основу последующего культурного мифа.

Такой подход позволяет сохранить и историческое, и литературное содержание образа, не смешивая документально подтверждаемое с вероятным, легендарным и позднейшим интерпретационным материалом.

Именно разграничение этих уровней является необходимым условием дальнейшего исследования философии судьбы, пророчества и смерти Олега, а также его последующего переосмысления в русской литературе — прежде всего в «Песни о Вещем Олеге» А. С. Пушкина.

ГЛАВА IV. ФИЛОСОФИЯ СУДЬБЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ

4.1. Судьба, воля и предел человеческого действия

Тема судьбы занимает центральное место в повествовании о Вещем Олеге. Уже сама композиция рассказа построена вокруг противостояния человеческого намерения и предсказанного будущего: князь узнаёт о предполагаемой причине смерти, пытается устранить опасность, однако именно последующее развитие событий приводит к исполнению пророчества.

Для современного исследователя здесь возникает важная методологическая проблема. Нельзя автоматически переносить на древнерусский текст современные философские понятия «фатализма», «детерминизма» или «свободы воли». Эти категории принадлежат более поздней философской терминологии и могут использоваться лишь как аналитические инструменты.

В древнерусской книжности представления о человеческой судьбе формировались в христианской системе понятий, хотя письменная культура Руси возникла в обществе, сохранявшем значительный комплекс дохристианских представлений.

Поэтому утверждение о простом переходе от языческого «рока» к христианской «воле Божией» было бы чрезмерным упрощением. Речь следует вести о длительном сосуществовании и взаимодействии различных представлений о человеческой жизни, смерти, предопределении, промысле и ответственности.

В самом рассказе об Олеге особенно важна не отвлечённая теория судьбы, а конкретная повествовательная ситуация: герой получает знание о возможной смерти и принимает решение, которое должно её предотвратить.

Именно здесь возникает парадокс:

попытка избежать предсказанной судьбы становится частью механизма её осуществления.

Это один из наиболее устойчивых типов повествовательной конструкции, известных в мировой литературе. Однако само наличие такого сюжета ещё не доказывает, что древнерусский автор сознательно исходил из какой-либо разработанной философской доктрины фатализма.

Корректнее говорить о том, что летописный рассказ **создаёт образ неотвратимости судьбы посредством композиции события.**

4.2. Судьба в христианском контексте Древней Руси

После Крещения Руси в 988 году древнерусская книжность развивалась преимущественно в христианской интеллектуальной среде.

Это обстоятельство необходимо учитывать при анализе понятия судьбы.

Христианское мировоззрение не тождественно античному фатализму. В христианской традиции человеческая жизнь рассматривается в связи с Божественным промыслом, но при этом сохраняются категории нравственной ответственности, выбора, греха, покаяния и спасения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.